

АРТЕМ БО

АМУЛЕТ

МЕРТВЫХ

Арте́м Бо
Амулет Мертвых

«Accent Graphics communications»

2018

БО А.

Амулет Мертвых / А. БО — «Accent Graphics communications»,
2018

Эта книга написана в редком жанре женского Фэнтези, повествующей о молодой девушке из крупного мегаполиса, попавшей в невероятную историю в компании весьма странных... Мужчин?

© БО А., 2018
© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Амулет мертвых	5
21 Июня	7
Из огня да в омут	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Артем БО

Амулет Мертвых

Амулет мертвых

– Проверили верёвки? – спросил лысеющий мужик с козлиной бородкой. – Связана крепко?

Двое парней, без стеснения лапая девушку, стали проверять верёвки, а мужик довольно наблюдал за процессом.

– Крепко связана-с, – подтвердил широкоплечий парень справа, – не извольте беспокоиться.

– Молодцы, – задумчиво глядя на неё, произнёс Старший советник в длинном богатом кафтане, когда только переодеться успел. – Но будьте осторожны, она может быть очень опасна. Давайте тащите её к реке.

Парни, как пушинку, подняли её, ухватили, как длинную котомку, подмышки. Один шел впереди, держа её одной рукой ниже груди, другой – сзади, держа за бёдра. Она пыталась сопротивляться, извиваться, но они были очень сильны и несли её, не останавливаясь, через потоптанное лошадьми поле. На поле горели костры и сильно воняло горелым мясом, всюду ходили воины в кольчугах. «Что они сделали с моим домом...», – думала она. – «А если это сон, то уже давно пора проснуться! Пора проснуться!»

Последнюю мысль она, похоже, не столько подумала, сколько прокричала, потому как сбились с темпа несущие её и оглянулись на них все, кого она видела вокруг себя. Они глядели на неё с нескрываемым отвращением.

– Не волнуйся, – раздался спокойный голос позади парней, – мы не спим, за это я могу ручаться. А вот если вдруг спишь ты, – голос сделал короткую паузу, – то уверяю, ты скоро проснешься.

Слыша этот голос, она отчего-то представляла очень гаденькую улыбочку, которую не смогла бы скрыть и более густая борода.

Её несли по тропинке, по которой она много раз ходила к реке, через большой бор, в котором росли прекрасные подосиновики и пели разные птицы, они пели и сейчас, им было всё равно.

– Стойте, – раздался голос козлобородого, когда её пронесли мимо высокого кустарника.

Они развернулись, не отпуская её, она увидела реку внизу высокого берега. Маленький мосток, с которого очень удобно было стирать, нырять и много чего ещё. «Очень удобный мосток», – горько усмехаясь, подумала она.

– Ставьте её, – продолжал распоряжаться её главный мучитель.

Её поставили на тропинку, повернули спиной к реке.

– Ну что, парни, – продолжал вещать Старший советник. – Вы не зря учитесь у меня ремеслу. Что нужно сделать, прежде чем бросить колдунью в реку?

Парни переглянулись.

Улыбнулись.

– Проверить, в чести ли она, учитель, – хором произнесли они, – и мы не можем сами провести этот ритуал, уж больно могущественна стерва.

– Всё правильно, мои мальчики, – гнусно произнес, ухмыляясь, козлобородый. – Всё правильно.

Она глядела, как он приближается, и её начала бить дрожь. Она уже готова была сама прыгнуть в реку, лишь бы это чудовище к ней не прикасалось. Она дёргалась в путах. Слезы хлынули на её лицо.

– Нет! Не надо! Не подходи! – слышала она свой крик, разносящийся по бору. Но он, улыбаясь, шел к ней, что-то говорил ещё своим ученикам, а они крепко держали её в путах и, похоже, им нравилось держать её, извивающуюся, будто змею. Старик не собирался долго терять время. Он плотно прижался к ней всем телом, она пыталась оттолкнуть его, но поняла, что не смогла бы, даже если б ему не помогали парни. Он был жилист и крепок. Но не успел он что-либо сделать, как по тропе, из-за кустов вышел царевич.

На лице царевича была кривая ухмылка, скулы сильно напряжены, его голубые глаза источали невероятную злость.

– Что здесь происходит, советник? – гневно спросил он.

Козлобород резко обернулся.

– Здесь? Я со своими учениками провожу таинство, на котором не подобает присутствовать вашему высочеству, – заискивающе произнёс советник. – Моя обязанность – во что бы то ни стало оградить вас от зла, мой дорогой царевич.

– Таинство? – переспросил царевич. – А разве не состоялось собрание сиятельных мудрецов, где было решено, что старые колдуньи давно истреблены и больше нет необходимости в прежних ритуалах?

– Было царевич, было, – подтвердил Советник, – но тут особый случай, сами посудите, что мы видели, и на неё поглядите, неужели не видите.

Царевич посмотрел на неё, на советника, глаза его посерели, и он без замаха двинул советника рукой в лицо, тот рухнул в кусты рядом с тропой. Некоторое время царевич смотрел на неё очень внимательно. А она смотрела на него. Ей показалось, что глаза его увлажнились, что-то еле уловимое изменилось в его лице, и он отвернулся.

Он отвернулся.

– Никаких особых ритуалов, – кинул он фразу через плечо и пошел обратно по тропинке.

Красивый и статный, шагал он по тропе. Солнце отражалось в звеньях кольчуги. Ветер легонько трепал золотистые кудри. Пару раз ей показалось, что он повернётся. Но единственное, что он сделал, – собрал ловким движением правой руки волосы и левой надел на голову шлем. Тропка, по которой шел царевич, скоро свернула и спрятала его за кустами. Она что было сил дёрнулась вслед за ним, крепкие руки на мгновение выпустили её, и она чуть не ударилась о землю, но её мучители вовремя опомнились и поймали её.

В этот последний рывок, похоже, ушли все силы. Она не могла больше ни взывать, ни рыдать, ни тем более совершать какие бы то ни было действия. Она бессильно обвисла на руках державших её. Принятие неизбежного – так, наверно, можно было назвать её состояние, спокойствие. Она безучастно смотрела, как из кустов, потирая лицо, поднимается старший советник царевича, его изящный костюм был помят. На плече зияла дыра. Советник наклонил голову к плечу, недовольно поморщился, потом сморщился ещё сильнее, на этот раз от боли, правая щека его опухала всё больше.

Осмотрев себя, советник перевёл взгляд на неё и конвой.

– Что смотрите? – прошипел он. – Тащите эту гадину к мосту.

«Ну, вот, скоро всё кончится, – думала она, – вот так сказка». И несмотря на то что смерть ее была близка, она чувствовала умиротворяющее тепло внутри себя. Это тепло никак не вязалось с её бессилием. И исходило оно откуда-то от сердца, она вспомнила маму и папу, подружку и пуделя Чиппи, и тепло от воспоминаний затопило её.

21 Июня

– Наконец-то сдан последний зачет – иностранный язык. Самое сложное сдано уже давно, а с этим проблем не могло быть.

Улыбаясь, Оксана шла по проспекту в сторону метро. На проспекте в очередной раз образовалась пробка, да такая, что стояли даже трамваи. Но это не могло испортить хорошего настроения. Солнышко приятно грело, в такую погоду принято говорить, что оно припекало, но лёгкий ветерок со стороны пруда ласкал лицо и шею. Отличный день для шашлыков на природе. Но отчего-то не все прохожие разделяли её мнение, некоторые были угрюмы, другие грустны или просто озабочены. Плюс дурацкие плакаты, напоминавшие людям о том, что сегодня день памяти и скорби. Надо же, приспичило же Гитлеру напасть на Россию именно в этот день. Теперь, вместо того чтобы радоваться жизни, все СМИ будут мусолить одно и то же, показывать отвратительные и скучные фильмы про войну.

«Надо позвонить Ане», – заходя в метро, подумала она.

Аня – безбашенная подружка с третьего класса. Умудрилась увести у неё двух парней, хотя вроде не была привлекательнее. И вообще со своей внешностью она вытворяла чёрт-те что, все смеялись над ней. Она причудливо сбрасывала волосы на голове, красила их в безумные цвета. Да еще и пирсинг, пятнадцать проколов на лице! С ней перестали общаться все, кто был знаком с ней до преобразования. Видать, знали её плохо, Оксана знала её давно, и была уверена, что Аня за всем своим эпатажем осталась прежней, да и чего скрывать – стала ещё интереснее и привлекательнее.

В метро было прохладнее, чем на улице. В это время дня оно почти пустовало. В этом подземелье ей не нравилось, хотелось тепла и солнца. Была возможность ещё позвонить Пете, узнать, как у него дела. Может, он пригласит её куда? Но заходя в вагон, она отказалась от мыслей о нём. Петя был красив и высок, очень уверен в себе и не раз отвечал на её флирт. И кто знает, может, и впрямь пригласит, но было в нём и что-то такое, что пугало её. И раз за разом она предпочитала довериться шестому чувству.

Краем глаза Оксана заметила парня, который изо всех сил делал вид, что не смотрит на её бедра. Она скосила глаза в другую часть вагона в поисках другой девушки, на которую он мог бы смотреть, но не нашла достойной кандидатуры. Ей было чем гордиться. Она не была мужеподобной, как многие её широкоплечие знакомые девушки. Да еще в институт она всегда ходила в классической блузке и черной юбке чуть выше колена. На ногах носила чёрные туфли-лодочки на среднем каблуке. Всё это подчёркивало её красоту. Некоторые преподавательницы даже говорили ей, что она, мол, выглядит вульгарно. Но она знала – завидуют. Ловила она на себе подобные взгляды всегда. И ей это нравилось, дарило чувство своего превосходства не только над подругами, но и перед такими прыщавыми слюнтяями, как этот в дальнем конце салона.

Через две станции Оксана вышла из вагона на свою, на прощание поправив длинные русые волосы. И пошла к лестнице, на её станции не было эскалатора. Стоило только подняться в переход, в сумочке на боку завибрировал телефон. А когда она за ним потянулась, он заиграл мелодию SMS. «Вспомнишь... вот и оно», – думала она, читая попрошайку на экране мобильного. «Конечно», – думала она с улыбкой, – «у Ани как всегда нет денег на телефоне, последние потратила на сигареты. Ну что же, всё равно собиралась ей позвонить». И нажала кнопку вызова.

– Привеет! – раздался радостный вопль из трубки. «Как будто сто лет не видела», – думала Оксана каждый раз, как слышала этот вопль.

– Приветик, – ответила Оксана, шагая вдоль улицы, и сразу похвасталась: – Я зачёт по английскому сдала!

– Ну ты батан, – раздался комментарий, – поздравляю, не хочешь отметить?

– Конечно, хочу, – ответила Оксана, думая о том, что неплохо было бы брать с собой гарнитуру, – только не знаю как. Хотелось бы шашлыков на берегу пруда, – мечтательно добавила она.

– О, я как раз хотела тебе нечто подобное предложить, – радостно объявила Аня.

– Да? И что же это? – просила Оксана, шагая по солнечной стороне улицы.

Каблуки ее туфель мерно цокали по тротуару. Легкий ветерок шелестел листьями кустов, удобно расположившихся с обеих сторон пешеходной дорожки. Только у кустов слева и справа была разная жизнь. Кусты слева прятали невзрачный высокий забор, а кусты справа отгораживали прохожих от проезжей части.

– Это празднование Ивана Купалы, – ещё радостнее воскликнула «безумная» подружка.

– Но Иван Купала только седьмого июля вроде? – растерянно произнесла Оксана. – А мне бы хотелось отметить сегодня.

– Я сегодня и предлагаю, – серьёзно сказала Аня, – по крайней мере, мои друзья едут сегодня на берег пруда: шашлыки, костёр... в общем, всё будет, – заверила она.

– Надеюсь, они не сатанисты или, чего доброго, не скинхеды? – спросила Оксана, зная, что от собеседницы можно было легко ожидать и подобной выходки, да и денек, судя по плакатам, был вполне подходящий.

– Да нет, – в ответ уверенно заявила та, – они историки, занимаются экспериментальной историей, да и вообще – ребята, с которыми здорово можно оттянуться.

– Да? – с сомнением спросила Оксана, её настораживала формулировка «экспериментальные историки». Выходит, люди изобретали историю. Но в ответ она получила не менее уверенное «да».

– А я кого-нибудь знаю? – к собственному удивлению весьма кокетливо спросила Оксана.

– Вряд ли, – услышала она в трубку, – я сама с ними недавно познакомилась.

«Надо же, она с ними недавно познакомилась, а уже думает, что им можно доверять, или...» – подумала Оксана, а окончание мысли произнесла в трубку:

– Значит, тебе нужен кто-то, хорошо знакомый, мало ли что...

Кусты справа закончились, а улица стала шире и оживлённее.

– Ну, пусть так, – слегка потеряв уверенность, произнесла Аня. – Но это отличная возможность повеселиться! – вновь радостно воскликнула она.

– Ты безумная, – поставила диагноз своей подруге Оксана.

– Да ладно тебе, соглашайся, ты же хотела отметить этот день, – продолжала уговаривать «сумасшедшая». – Если тебе будет спокойнее, то там будут и вполне взрослые люди, даже две семейные пары.

То ли безумие заразно, то ли ей и впрямь осточертел большой город, но Оксана поймала себя на мысли, что предложение поехать на природу – как раз вовремя.

– Ну, хорошо, где и когда встречаемся? – согласилась Оксана.

– Давай в полчетвёртого, на вокзале, у краба.

– На вокзале? – уточнила Оксана, думая, что южный пруд города самый грязный. На вокзале как раз надо было пересесть на троллейбус, чтобы туда доехать.

«Надо же, за разговором быстро время летит», – глядя на свой дом с другой стороны улицы, думала она. Через дорогу можно было быстро перебежать, а то до светофора идти ещё полквартила. Всюду возвышались угрюмые девятиэтажки.

– Конечно, на вокзале, поедем на электричке, в городе в прудах только говно ловить, – рассудила собеседница, когда Оксана перебежала дорогу перед красной красивой иномаркой. Иномарка возмущённо бикнула и укатила, значительно превышая скорость.

– Что у тебя там сигналит? – спросила Аня.

– Да так, – отчего-то радостно ответила Оксана, – дорогу переходила.

– А, ясно, а про электричку слышала?

– Да слышала, – ответила Оксана, обходя свой дом.

– Тогда всё прекрасно, – продолжал раздаваться полубезумный голос в трубке. – Бери всё, что нужно, и встретимся у краба, пока.

На этом заявлении связь прервалась. Оксана набрала номер ещё раз, абонент оказался временно недоступен. «Вот так всегда, пропадает раньше, чем ответит на все вопросы. Надо же – «бери всё что нужно», а что нужно, чтоб поехать за город неизвестно куда, она не имела ни малейшего представления. «Ладно, хоть время прошло за разговором быстро», – думала она, меняя в руке телефон на увесистую связку ключей.

Лифт уже больше года не работал, и подниматься на шестой этаж приходилось пешком. Наверху, у своей двери, Оксана услышала задорный лай, её приветствовал домашний любимец – пудель Чиппи. От пуделя её отделяло две двери и четыре замка, но это не было преградой для радушного лая. Двери были тщательно заперты на все замки. Преодолев препятствие, которое разделяло её и пуделя, Оксана присела и обняла четвероногого друга, не слишком заботясь о блузке, она уже решила, что больше её не наденет. Пудель лизнул ей щёку. Она улыбнулась, потрепала его по голове. С ним, конечно же, требовалось погулять. Оксана переобулась в балетки.

– Пойдем, погуляем, – сказала она Чиппи, пристёгивая ошейник.

Пудель радостно бежал по ступенькам.

Во двореке, где она гуляла с собакой, не было детской площадки, зато были гаражи. Из сумки раздалась знакомая мелодия.

«Мама», – подумала Оксана и достала телефон.

– Привет, мам, – сказала она после того, как нажала зелёную кнопку.

– Привет, дорогая, – отозвалась мама. – Как твои экзамены? Ты вроде сегодня должна была сдать последний.

– Да, мамуля, всё хорошо, я всё сдала на «отлично», – улыбаясь, ответила Оксана.

– Ах ты, моя умница! – радостно воскликнула мама. – Не хочешь сказать об этом папе? Он наверняка обрадуется и, может, даже что-нибудь подарит тебе по такому случаю.

Оксана отчего-то скривилась.

– Нет, мамуль. Я сейчас с Чиппи гуляю, а потом мне бежать надо будет срочно. Давай позже обсудим, мы ведь не в последний раз разговариваем.

– Ну да, – согласилась мама. – До скорого, к двадцать пятому приедем.

– Хорошо, мамочка, – отозвалась Оксана и повесила трубку.

Спустя полчаса она вернулась домой. Чиппи, когда она его отстегнула, ринулся к кормушке, а она с ужасом обнаружила, что на сборы у неё всего час. Надо же, как это осложняет задачу подстава. А ведь еще бы поесть, принять душ, поправить макияж и переодеться. Когда всё успеть? Чем-то придётся пожертвовать. Родителей не было дома уже две недели, поэтому еды, которую можно быстро съесть, не нашлось. Значит, питаться придётся биойогуртом по дороге. Если принять душ, волосы не успеют высохнуть, да ещё надо решить, что надеть, что взять с собой.

Из коридора она сразу направилась в свою комнату. Открыв шкаф, она обнаружила, что ей совершенно нечего надеть. То есть разных тряпок было два отделения по пять полок, да ещё и забитое отделение для вещей на плечиках. Но её гардероб совершенно не подходил для похода на праздник в лес. Даже спортивный костюм, который у неё был, выглядел бы нелепо. Одежда для дачи подошла бы как нельзя кстати, но она, естественно, была на даче.

Но что-то точно должно было быть. И действительно, на одной из полок она нашла легкую юбку. Её она надевала один раз, на одну из студенческих вечеринок в прошлом году, и с тех пор она лежала на полке. Юбка из тонкого ситца с нарисованными большими астрами завязывалась на талии. Не удивительно, что она так и лежит в шкафу, её просто некуда надеть –

засмеют. К юбке требовался верх, но какой? Подходящий для вечеринки топ у нее был, но по улице в таком виде идти нельзя. Тащить же с собой большую сумку или рюкзак с большим количеством сменной одежды совершенно не хотелось. Там и так лежало много: два купальника, носки, колготки, расческа, заколка, зеркало, большая косметичка, мобильник, паспорт, полис, кошелек – и это только то, что она с ходу смогла вспомнить или положила за последние пять минут. Какое-то время она разглядывала у зеркала блузку, топики и футболки. Пока не вспомнила: у нее есть прекрасные босоножки – и образ тут же сложился. Она надела голубую прозрачную блузку с длинным рукавом поверх жёлтого топа. Посмотрелась в зеркало, подумала: «я – небо, с солнышком и лугом. Какая жуть». Улыбнулась и положила в сумку красиво вязаную шерстяную кофточку.

«Ну вот, сумка всё-таки тяжелая получилась», – подумала она, направляясь в душ.

«Ничего страшного, наверное, что я опаздываю на пятнадцать минут к месту встречи, по крайней мере, Аня не просит, чтоб я ей перезвонила», – думала Оксана, выходя из метро к вокзалу и направляясь к памятнику, который народ прозвал крабом. Она немного нервничала, поскольку ей всю дорогу думалось, что она одета как-то глупо и что люди косо посматривают на неё. Она в очередной раз одёрнула юбку и почувствовала, что сумка вибрирует. Телефон. Оксана пошарила в сумке, но он оказался на дне под всей кучей вещей. Она остановилась и стала извлекать телефон из сумки. Когда тот был спасён из-под завала, на нём обнаружилось три SMS с просьбой позвонить. Памятник-краб был уже через дорогу, и Оксана, глянув в его сторону, нашла взглядом Аню и маленькую разношерстную толпу вокруг. Необходимость звонить отпала сама собой.

Аня ее, естественно, не видела. Она была занята разговором с каким-то парнем в оранжевой рубашке и с гребнем на голове и девушкой с чёрными волосами, накрашенной тёмными тенями и тёмно-синей помадой. Остальные детали загораживали другие участники толпы, коих оказалось немало и все были одеты по-разному, среди них стоял даже рыцарь в доспехах. Как ему было не жарко? «Какой сброд! Похоже, сумасшествие и впрямь заразно, раз я согласилась поехать в лес с таким количеством панков за один раз. И самое смешное, что мой наряд впишется в этот винегрет как нельзя лучше».

Оксана улыбнулась и пошла на зелёный свет светофора вместе с немалым количеством людей, постоянно пребывавших на вокзал.

– Приветик, – произнесла она, когда подошла к толпе неформалов и своей подруге.

– О, привет! – воскликнула Аня. – Знакомься! Это Патрик, – указала она на парня с ирокезом в оранжевой рубашке, на нём также были широкие джинсовые шорты и военные ботинки. Он протянул ей руку для рукопожатия.

– Это Сирена, – указала Аня на размалеванную черным девицу в тугом корсете и черной широкой юбке с кучей кружев. «Интересно, отчего сирена – вопит что ли громко?» – подумала Оксана, пожимая ей руку.

Аня представила таким образом ещё около десяти людей, прежде чем сказать, что её подругу зовут Оксана.

В такой толпе, казалось, нечему удивляться, зоопарк – он и есть зоопарк. Но вот когда высокий, наголо бритый парень, в камуфляже и с гитарой, наклонился и поцеловал её руку вместо того, чтобы подержать или пожать, она была польщена. И даже запомнила, что его зовут Ящер.

– Почему Ящер? – вырвалось у неё.

– Потому что большой и вечно зелёный, как тираннозавр, – ответил Патрик со смехом. На что герой обсуждения слегка поджал губы, но ничего говорить не стал.

Как ни странно, из всей компании только у рыцаря оказалось русское человеческое имя, его звали Виталик. Он стоял в сторонке и разговаривал с девушкой в народном костюме, имя которой не задержалось в памяти ни на долю секунды. Когда ритуал знакомства иссяк, Оксана

поинтересовалась, скоро ли поедет, и ей ответили, что электричка через полчаса и надо ещё дождаться близнецов.

– Близнецов? – с удивлением спросила Оксана.

– Да, близнецов, – ответил угрюмый и бородатый мужик неопределённого возраста. – Они вечно опаздывают, наверно, поделить одинаковую одежду не могут.

– Нет, они вчера в парке повстречали красивого мальчика, теперь косо смотрят друг на друга, – с улыбкой заявил Патрик.

«Фу, тут ещё и голубые», – подумала Оксана. – «Наверно, надо идти домой, такого я уже не переживу». Видимо, её мысли отразились на лице, раз Аня, смеясь, поспешила развеять их.

– Да не, они нормальные парни, да, одеваются женственно и разговаривают жеманно. – Потом приблизилась и тихо, слегка смущаясь, сказала: – Я даже думаю, какие они... ну ты поняла, – и засмеялась.

А Оксана подняла одну бровь и поджала губы, ей всё больше казалось, что вечер получится какой-то неудачный, но и уйти отчего-то не могла, стояла и смотрела на цирковое представление, которое разворачивалось перед ней.

Близнецов ждали около 20 минут, говорили о музыкальных группах, о которых она никогда не слышала и которые никогда не будет слушать. О каких-то событиях из жизни, часто глупых и отвратительных, а им они казались смешными, но львиная доля разговоров оказалась посвящена фестивалям, на которых собирались рыцари, и околорыцарским темам.

Она уже думала, что уйдёт, и тут появились близнецы. Они шли непринужденно, о чем-то возбужденно переговаривались, на обоих были незаправленные рубахи с весьма сочными рисунками, оба были в высоких армейских ботинках, в которые были заправлены штаны с большими карманами по бокам от каждого колена. На каждом из близнецов висел небольшой рюкзак с привязанным свёртком. И только причёски их с некоторой натяжкой можно было назвать разными, у одного чёлка закрывала правый глаз, у другого – левый, плюс пряди в чёлке у одного были салатные, у другого – бледно-розовые. Они произвели на неё неизгладимое впечатление, их, похоже, ничего не волновало, они плыли вполне спокойно и уверенно. И она смотрела, как они медленно подплывают к ним.

– Вы совсем сдурели, где вы шастаете! – вдруг раздался сбоку голос Виталика, разрывая пространство. – Уже ехать пора!

– Так поехали, – совершенно не напрягшись, сказал близнец с салатными прядями.

Все тут же, без каких-либо разговоров, схватили огромные рюкзаки, на которые она до этого не обращала внимание. Оксана вдруг обнаружила, что она одна совсем налегке. «Интересно, а я думала у меня сумка тяжелая», – пронеслась в голове мысль. Она улыбнулась.

Вся толпа двинулась на вокзал, попутно здороваясь с близнецами, им жали руки, хлопали их по плечам. Девушки все по очереди обняли их. «Надо же, с какой теплотой они здороваются друг с другом, у них, наверно, секта», – подумала она. – «И я, наверно, попала под их влияние, раз иду вместе с ними. Интересно, как они это сделали?». Дорогу, похоже, они не выбирали. Шли толпой, прямым путём к вокзалу, парни помогали девушкам спуститься с высоких уступов постамента краба и перешагивать ограждения из толстой цепи.

На полпути к вокзалу оба близнеца оказались возле неё, они улыбались. С розовыми прядями шел справа от неё, с салатными – слева. И они оба были весьма привлекательны, теперь она понимала Аню.

– Приветик, – по-девичьи произнес красавчик справа. – Позволь представиться – мы близнецы.

– Мы восхищены твоей красотой, – почти промурлыкал красавчик слева. – Этого пижона зовут Димас.

– А этого – Алекс, – раздалось в ответ справа.

У неё уже начала кружиться голова.

– Как же зовут нашу новую подругу? – как-то очень вкрадчиво и завораживающе прозвучало сразу с двух сторон.

– Оксана, – услышала она свой голос, чувствуя, как краска приливает к её лицу, близнецы же при этом самодовольно улыбаются.

– Приятно познакомиться, – так же хором произнесли они и нежно обняли ее с двух сторон. А она осталась в замешательстве, пытаясь понять, каким чудом еще стоит на ногах. Наверно, потому, что они нежно поддерживали её за талию с двух сторон. Оксана была потрясена происходящим настолько, что даже не заметила, как они оказались в подземном переходе вокзала и остановились напротив восьмой платформы. Табло над головами не работало, а потому сказать, куда они едут, она не могла. В тоннеле было прохладно. В переходе со стороны вокзала, словно муравьи, туда-сюда ходили люди, но ни один так до них и не доходил, пока из толпы не выскочил высокий кудрявый парень в джинсах и клетчатой рубашке и не понёсся к ним. У подъёма на перрон номер семь он закричал:

– Быстрее, быстрее, сейчас уйдёт! – и они, повинуясь его голосу, начали быстро подниматься на перрон.

У перрона стояла серая электричка с большими красными буквами РЖД, у каждой двери скучал перронный контроль, не было на перроне никого, кто хотел бы сесть в электричку. И тут к двум девушкам, стоящим в зелёных форменных жилетах в конце второго вагона, подошла их толпа. Кудрявый подал пачку билетов. Интересно, но она не помнила, когда просила хоть кого-то купить ей билет. Но билетов хватило на всех, они поднялись в вагон, там уже сидели два старика, наверное охотники. И только они расположились на синих креслах-скамейках, как машинист объявил отправление до неизвестной ей станции. Она села у окна, рядом сел Димас, напротив неё сидела Аня, напротив Димаса – Алекс, остальные расположились на других креслах-скамейках.

– Ну, как тебе наша компания? – спросила Аня.

На что Оксана могла только смущённо улыбнуться.

– Смотри, как улыбается, конечно, ей с нами не нравится, – хитро посмеиваясь, сказал Алекс.

– Не нравится? – спросил Димас. – Как с нами может не нравиться? – в его голосе читалось невероятное возмущение, потом он улыбнулся, и добавил: – Ну и ладно, мне с нами тоже не нравится, – и пересел к рыцарю и рыжеволосой девице в народном костюме. И, похоже, сходу начал с нею флирт, по лицу рыцаря было видно, что он недоволен, но отчего-то он ничего не делал.

Теперь Оксана чувствовала себя ещё хуже, ничего себе знакомство, какие дуры могут клевать на таких подонков. «Наверно, я дура», – тут же раздался голос в голове, и захотелось пересесть вслед за Димасом. Но она решила, что бегать за парнем как-то неправильно, и сменила тему:

– А вы тут все занимаетесь экспериментальной историей? – спросила она у Алекса.

– Нет, конечно, нет. Это для челяди, а мы с Димасом сами история. Как-никак потомки одного из знатнейших родов России, наши предки переехали на Русь тысячу лет назад, ещё при Рюрике, из Греции, и тогда уже были знатными людьми, – он прямо светился гордостью, произнося эти слова.

– Да ладно, – не поверила Оксана.

– Ну да, у нас есть сертификат, хочешь, покажу? – как-то нежно произнёс он.

– Ну, покажи, – согласилась Оксана, и он полез в рюкзак, который стоял на соседнем сиденье.

– О, это потрясающе, – заговорила Аня, – представляешь, я тоже не поверила, мы были у них в гостях, и они показывали оригинал.

– А где живёте? – спросила Оксана у роющегося в рюкзаке Алекса.

– На юго-западе, в пригороде, – ответил он, извлекая аккуратно завернутый в целлофан свёрток. Столь же аккуратно он его развернул и достал кожаный футляр. В футляре лежала обычная копия, её-то он и протянул ей.

– Смотри, опять хвастается, – услышала она сзади голос бородатого мужика, и вдруг с удивлением поняла, что его все так и зовут – Борода.

– Пижон, – фыркнула Сирена.

– Видишь, как завидуют, – нахально произнёс Алекс.

– Вот ещё было б чему завидовать, – мрачно произнесла Сирена.

Оксана посмотрела на протянутый лист формата А4 и прочла: «Сертификат, выдан представителю боярского рода Арефовых, Петру Анатольевичу Арефову, обществом Дворянских родов России». Черно-белая копия, похоже, была снята с красивой гербовой бумаги, и потому многое было напечатано невнятно.

– А оригинал цветной? – спросила Оксана.

Алекс посмотрел на неё, как на дуру.

– Конечно, цветной, – ответил он, забирая бумагу и упаковывая её так же тщательно, как она и была упакована.

«Надо же: повстречать принца, да ещё и двух разом. Это определённо интересно, надо продолжать допрос», – думала она.

– А на юго-западе, в пригороде, там посёлок Горный, если не ошибаюсь, рядом с горнолыжной трассой, у вас там особняк?

– Ну, почти, – сказал он, и тут же перевёл тему: – А ты бывала на Синей горе?

– На синей? Нет, первый раз слышу.

– Это такое удивительное место, мы туда, собственно, и едем, – восторженно начал рекламировать он. – Там уникальное место, заповедник. Единственное место в мире, не считая Стоунхенджа, где голубые камни, особенно это очень здорово видно на рассвете, я всегда, когда еду туда, встречаю там рассвет.

И на неё обрушился нескончаемый поток рассказов, баек и хвастовства. И она не могла не улыбаться, её подруга тоже улыбалась, слушая эти истории, и самое удивительное, что Аня верила во всё это. Оксана попутно посматривала на второго близнеца, который уже разлёгся на скамейке и уложил свою голову на колени рыжеволосой. А Виталий пересел к компании, сидящей позади них. «Надо же, – опять удивилась она, – попробовал бы он на каком-нибудь денсе так подсесть, ему бы сразу морду начистили, а тут более крупный парень особо даже не сопротивлялся». Виталий на сидящих сзади произвёл ободряющий эффект. Ящер расчехлил гитару и стал на ней брэнчать – настраивать. Алекс отошел от Ани с Оксаной и вернулся с полторашкой пива. Отпил первый. Потом протянул Оксане. Ей было как-то не по себе, не то чтоб она не пила пиво, просто обычно парни покупали нормальное пиво в стекле или в алюминиевой банке, во многих клубах были красивые высокие стаканы, а тут, как пьянь какая-то, из горла пластиковой бутылки – на это согласиться она не могла. Алекс увидел её замешательство и достал из своего рюкзака одноразовые стаканчики, разлил пиво по ним и протянул Оксане и Ане.

– Эй, про меня не забудь! – крикнул Димас, не отрывая головы от колен девушки.

– Обойдётся, – сказал Алекс.

– Тогда я Лизе покажу твои фотки с нудистского пляжа.

– Вот эксгибиционист, – пробурчал Алекс, налил ещё два стаканчика и отнёс им.

Тут позади прозвучал первый тост за природу, все чокнулись, и это было справедливое название происходящему. Потом выпили. С заднего сиденья раздалась игра на гитаре, и хор голосов прокричал что-то знакомое. Но отчего-то – про какого-то мелкого, эльфов, маму Галадрель и, собственно, просто про эль. Близнецы скривились и предложили пересесть подальше. И Оксана, послушав песню, решила, что слушать байки близнецов ей намного приятнее.

Когда они расположились в другом конце пустого вагона, Димас произнес тост:

– Давайте выпьем за прекрасную половину, – начал он.

– За близнецов, – сказал Алекс и выпил свой стакан.

Долго ли они ехали? Оксана не знала, но точно знала, что они за это время выпили две бутылки пива. Ей стало легко и приятно, подошел Патрик, сказал, что им пора выходить, они вышли на платформу, вокруг которой был только лес. Она спросила, что это за станция, и ей сказали, что это какой-то километр. Надо же, кто придумал такую глупость – «станция километр» – посреди леса, где нет никого. «Может, это специально для туристов?», – думала она, пытаясь найти взглядом какую-нибудь дорогу или указатель, но видела только лес, два железнодорожных полотна и два разбитых временем перрона, на одном стояли они, другой скучал напротив.

У Оксаны закружилась голова, то ли от пива, то ли от свежего воздуха, или... она даже боялась подумать, что кроме них тут никого больше нет. А так ли хорошо её спутники знают, куда идти? Много ли они выпили? И что делать, если вдруг много? Она посмотрела на остальных, те не проявляли ни капли беспокойства, курили, передавали по кругу пиво и обсуждали, куда лучше пойти. «Нормально, они не знают, куда хотят», – удивлённо подумала она и смутилась, обнаружив, что вслед за всеми сделала глоток из горлышка бутылки. Потом, слушая разговор спорящих, она поняла, что местность они знают, но так и не решили, куда пойти. Борода настаивал на одном месте, Патрик на другом. Близнецы при этом о чем-то говорили в сторонке, иногда украдкой поглядывая на спорящих. Потом Алекс подошел к спорщикам и сказал:

– До утра спорить будем?

– А что, есть предложение? – спросил Ящер.

– Есть предложение. Идти, – сказал Алекс и зашагал в конец платформы.

– Пойдем! – сказал Димас Лизе и, обняв её за талию, пошел за братом. Аня и Оксана тоже пошли за ними, но решили чуть отстать, чтоб обсудить близнецов и Лизу, которая им обеим крайне не нравилась.

Их догнал Виталий. Одетый в доспехи, с огромным рюкзаком, он шел довольно легко, производя на Оксану немалое впечатление.

– А далеко идти? – спросила Оксана.

– Не очень далеко, – ответил Виталий и пошел догонять Лизу и близнецов.

Не очень далеко, по меркам Виталия, оказалось целым испытанием для Оксаны. Она никогда раньше так далеко и долго не ходила. Босоножки на её ногах натерли мозоли. Первую половину пути они шли по более-менее нормальной лесной дороге, слегка поросшей, кое-где в рытвинах с лужами, но в целом идти по ней можно было без особых трудностей. Но с дороги почему-то решили свернуть. И свернули на узенькую, еле заметную тропинку, которую постоянно перегораживали ветки, упавшие деревья и ручьи. Следующей преградой на их пути была небольшая река или крупный ручей, Оксана затруднялась сказать. Преграда была широкой, но неглубокой. В качестве моста через реку лежало дерево, ствол его от влаги был скользким. И требовалось немало ловкости, чтоб пройти по нему. Но её спутники не беспокоились на этот счет. Парни в сапогах и армейских ботинках просто перешли по мелководью. Лиза быстро скинула странные кожаные ботинки и перешла босиком. Сирену вместе с рюкзаком перенёс Патрик, после того как сходил на ту сторону и оставил там свой рюкзак. Аня повторила подвиг мальчиков, её ботинки ничуть их обуви не уступали. Оксана попыталась перейти так же, как Лиза, но обнаружила, что вода, несмотря на жару, жутко холодная, а камни на дне реки больно впиваются в ноги. «А эта Лиза так легко перешла, словно Иисус», – зло думала Оксана, наступая на очередной камень и отдергивая ногу.

– Может, помочь? – спросил Патрик с того берега, задумчиво глядя на то, как она мучается.

– Да нет, я сама, – сказала Оксана. Как она могла проявить такую слабость, когда Аня и Лиза уже были на той стороне и шли дальше по тропе с близнецами. «Предательница», – думала она про подругу.

Сирена же с Патриком переглянулись, улыбнулись, Патрик вернулся, ни слова не говоря, подхватил и перешел реку вместе с ней. Поставил между собой и Сиреной. Ей было очень приятно, никто никогда раньше не носил её на руках. То ли сил не было у парней, с которыми она была знакома? То ли непонятно, почему? Пару раз, конечно, ей предлагали, но она отказывалась: не проявлять же слабость. При этом ей всегда хотелось, чтоб её подхватили вопреки её отказу, но этого не случалось. А сейчас? Она посмотрела на довольного Патрика, на улыбающуюся Сирену, и поняла: они, наверно, над ней посмеялись.

– Ты впервые так далеко в лес зашла? – спросила Сирена. «Неужели не видит? Или издевается?» – в ответ подумала Оксана, но произнесла:

– Нет, я на даче гуляла по лесу, но чтоб вот так, – она многозначительно посмотрела на тот берег, – действительно первый раз. Мне Аня сказала, что у нас будет весёлый пикничок на природе, она не говорила, что это будет целый туристический поход.

– Ну, это и не поход, – продолжала с ней разговор Сирена, наблюдая, как Оксана надевает босоножки.

– А что же это тогда? – не сдержав злости, спросила Оксана.

– Прогулка на выходных, – невозмутимо уточнил Патрик.

– Да? И долго нам ещё прогуливаться? – спросила Оксана, не скрывая возмущения.

– Нет, недолго, – ответил Патрик, явно пытаясь её успокоить, – ещё минут десять, пятнадцать.

«Ничего себе успокоил, ещё минут двадцать мозолить ноги», – думала она, поднимаясь.

– Тогда надо идти, – сказала она и зашагала по тропе, по которой уже ушли все остальные.

– А тебе есть, где ночевать? – продолжала докучать расспросами Сирена.

«Вот это вопрос. А ведь и впрямь, как я буду ночевать, у меня нет ни палатки, ни одежды», – промелькнула паническая мысль. А Сирена, как будто прочитав её мысли, продолжила:

– Давай с нами, у нас в палатке есть место и есть лишний спальник.

«Тут что-то нечисто», – всё с большим беспокойством думала Оксана. Если б ей предложил ночевку парень, она бы поняла, чего он хочет, но что надо этой ряженой в чёрное ведьме? Она посмотрела на то, как та была накрашена, на сигарету, которую она достала и пыталась прикурить от плохо работающей зажигалки. «Наверно, издевается, не может же она меня жалеть. Или жалеет и издевается», – пронёсся рой разных мыслей.

– Я, наверно, с Аней буду, – сказала Оксана, она была уверена в том, что та нашла им место.

Патрик заулыбался. Сирена захохотала.

– Не вижу ничего смешного, – сказала Оксана.

– О, конечно, – сказал Патрик, – мне, наверно, тоже смешно не было бы, – с этими словами его улыбка стала ухмылкой. – Да только у них у каждого по своему спальнику, спят под открытым небом. А если дождь, ночуют у меня. Скорее всего, они ночью пойдут на гору.

– Да? Как интересно, а Лиза? – спросила Оксана.

– Лиза всегда ночует в своей палатке, – с каким-то отвращением в голосе сказала Сирена. – И обычно одна, – с широкой улыбкой добавила она.

– А почему? – Оксане стало любопытно.

– Не знаю, – отвечала Сирена, – наверно, любит одиночество.

Патрик шел по тропе и, кажется, не замечал их разговора, хотя с таким улыбающимся и отстраненным видом, что мог бы и дороги не замечать.

– А вы здесь часто бываете? – спросил Оксана.

– Раз в год, – ответил Патрик и добавил, – в принципе мы уже пришли.

И правда, они вышли на большую поляну, на которой уже стоял лагерь, посреди которого над костром что-то готовилось в котелках и на вертелах. На первый взгляд Оксана насчитала семь палаток. Людей было много, женщины и девушки в большинстве своём были у костра, готовя еду. Мужчины ходили туда-сюда: приносили дрова, воду. Что-то сооружали на берегу небольшого озера, на противоположной стороне поляны от тропы, по которой они вошли в лагерь. Несколько женщин играли с маленькими детьми в сторонке. «Будут семейные пары», – вспомнила Оксана реплику подруги.

– Откуда столько народа? – спросила Оксана. – Нас же совсем чуть-чуть ехало.

– Часть приехала утром, большинство приехало ещё вчера, – ответил Патрик. – Здесь всегда много работы по подготовке к празднику... привет, Тиль! – прервался Патрик на приветствие к какому-то волосатому жилистому парню в джинсах и голым торсом, несшему большую охапку веток. На этом приветствия только начались, и Патрику стало не до продолжения повествования. «Неужто он знает тут всех?» – удивлялась Оксана, наблюдая, как люди в лагере его приветствуют и по-дружески обнимают. От Патрика не сильно отставала и Сирена. На некоторых она просто вешалась с криками счастья, что никак не вязалось с её мрачным образом.

Оксана почувствовала себя лишней на этой поляне. Все что-то делали и все всех знали, а она не знала никого. И стояла посреди лагеря так, как будто была на поляне одна. «И все-таки это секта», – сказала она себе. Такого количества мужчин с волосами, длиннее каре, и девушек в платьях и юбках она никогда не видела. На многих рубашках и сарафанах она увидела нашитую красную свастику, причудливо вплетённую в узоры. «Да. Еще и скинхеды, – констатировала с ужасом Оксана. Надо срочно найти Аню, – думала она, оглядываясь, – и предупредить её». Она стала озираться вокруг, ища подругу. Аня уже махала ей из-за стола, сооруженного неподалёку от костра. Оксана направилась напрямик к ней, рядом сидели близнецы.

– О, наконец-то мы тебя дождались! – воскликнул Алекс, когда Оксана подошла к столу.

– Могли бы и у реки меня подождать, – сказала Оксана.

– Да ладно тебе, не обижайся, – попытался успокоить её Димас, – мы тут тебе миску супа с курицей приберегли, ты ведь наверняка голодная.

– Пряма сама любезность, – с вызовом сказала Оксана и добавила: – Аня, ты можешь со мной прогуляться?

– Да, могу, – сказала Аня, вставая.

– О, вы нас покидаете? – спросил Димас.

– Они недолго, – за девушек ответил Алекс.

И Оксана с Аней пошли в лес вдоль берега озера, оказалось, что на поляну вела дорога, о чем свидетельствовали два припаркованных в сторонке внедорожника. Когда они отошли довольно далеко от лагеря, так, чтоб Оксана могла не беспокоиться, она спросила у Ани напрямую:

– Они что, скинхеды?

– Кто? – очень удивлённо спросила Аня.

– Они, – ответила Оксана, мотнув головой в сторону лагеря.

– Это с чего ты взяла? – с ещё большим недоумением спросила подруга.

– Как? Ты разве не видишь? Они празднуют, ПРАЗДНУЮТ день памяти и скорби! – вдруг начала выкладывать всё свои наблюдения Оксана. – На нас Гитлер напал в эту ночь. Они это делают как-то странно, вдаль от людей, и у них тут повсюду свастики.

– Свастики? – переспросила Аня. – Вроде вот этой?

Она указала на поляну. Напротив лагеря, недалеко от воды, устанавливали шест с большим красным стягом, а на нем золотыми нитками была вышита свастика, но она не заканчивалась, как у обычных фашистов, после поворота лучей. Каждый луч превращался в свастику и оттого производил ещё более мрачное впечатление.

– Да, это она, – сказала Оксана.

А подружка засмеялась, вот же дурёха, ей серьёзные вещи говоришь, что, мол, мы в опасности, а она в смех. «Может, у неё истерика?» – подумала Оксана и решила встряхнуть Аню. Она взяла свою безумицу за плечи и встряхнула со словами:

– Ты чего, дура, ржёшь, ты не понимаешь, во что ты нас втянула?!

– Я, ха-ха-ха, понимаю, – давясь смехом, произнесла сумасшедшая. – А ты, ха-ха-ха, нет, ха-ха, эта свастика называется коловрат, ха-ха-ха, славянский символ солнца, ха-ха, и это народные узоры, на рубахах. Ух, ничего себе, ты где живёшь-то? Я думала, ты знаешь.

– Что знаю – вот эту сектантскую чушь? – волновалась Оксана. – А если они нас убьют? Или чего похуже.

– Ничего с нами не случится, – твердо заверила Аня. – Если уж ты по клубам и денсам ходишь и с тобой ничего не происходит, то с этими мягкими и пушистыми тебе вообще нечего опасаться.

В это время двое мягких и пушистых на поляне под одобрение собравшихся начали дубасить друг друга деревянными саблями и закрываться фанерными щитами. Когда им надоело, их сменили двое других: один с копьём, другой с топором.

– Ну, раз ты за них ручаешься... – всё еще сомневалась Оксана, – то будь хотя бы со мной, а то я их побаиваюсь.

– Ладно, пойдём, а то близнецы уже заждались, – все еще немного посмеиваясь, сказала Аня. – Ну надо же такое придумать!

Надо признать, что к вечеру её настороженность стихла. Патрик показал ей палатку, выдал одеяло. У костра были не только шашлыки, но и изрядное количество разных яств, но ещё больше там оказалось выпивки. Люди на поляне пели и плясали, и это, конечно, были не клубные танцы, привычные ей, но как разовое развлечение годилось. К своему удивлению, она познакомилась с одной швеёй, с которой долго говорила о современной моде и моде прошлого. Только, как оказалось, Оксану раздражало, что она банальна в выборе одежды, тут в юбках ходили все девушки и, как она успела заметить, – некоторые мальчики. Где-то около десяти вечера к ней подошел Димас и предложил прогуляться.

– Мы идём на Синюю гору, – сказал он. – Пойдёшь с нами?

Голова её уже кружилась, она не смогла бы сказать, сколько выпила, но ещё могла стоять на ногах и, конечно же, после того, как так много слышала о Горе, не могла на неё не пойти, тем более с таким очаровательным и уверенным в себе принцем.

– Конечно, пойду, – сказала она.

Она думала, что принц обнимет её и поддержит, но Димас просто взял её за руку и повёл прочь из лагеря вдоль озера.

– А что, больше никто не пойдет? – спросила она, когда они преодолели ручей, впадающий в озеро.

– Они ушли раньше, – ответил Димас, – мы же говорили – тут заповедник, а потому разделяемся, чтобы не попасться.

– Попасться? – спросила она, перелезая через бревно, лежащее на тропе. Вокруг тропы росли папоротники, и в сгущающихся сумерках они смотрелись как-то зловеще.

– Ну, заповедники же лесничие охраняют, – начал рассказывать он, – если они поймают, то отправят на секретную базу, где будут проводить над тобой опыты.

– Да ладно рассказывать, нет тут баз, штраф выпишут, выпроводят с территории заповедника, – отчего-то слушать байки ей сейчас не очень хотелось, было и так как-то жутко.

– Скажи лучше, нас змеи не покусают? – спросила она, настороженно глядя на папоротники.

– А почему нас должны змеи покусать? – как-то нежно переспросил он и даже обнял её. Оксана слегка смутилась, ей показалась, что она говорит какие-то глупости.

– Ну, говорят, что в папоротнике живут змеи.

– Разве? – спросил он с иронией в голосе. – Не бойся, пока я рядом, никакие змеи тебя не кусают.

Они поднимались в гору. Подъём становился всё круче и круче. Но он легко её обнимал, и ей было легко. Змеи и впрямь на неё не покушались, не было и комаров. «Какая тёплая ночь», – думала она. – «Как мне хорошо». Тропка из леса и папоротников резко вышла на скальный выступ.

Перед ней раскинулось звёздное небо и долина. Скала нависала над лесом, и, несмотря на то, что на горизонте виднелись горы и повыше, на краю скалы перехватывало дух.

– Как красиво, – вырвалось у неё.

– Да, очень красиво, – раздался Анин голос.

Оксана вздрогнула и обернулась. Оказалось, что в этой скале есть углубления, которых не видно с тропы, в одном из этих углублений и сидела Аня с Алексом. В другом углублении сидела Рыжая, которая отравляла ей всё путешествие, и сейчас она была тут. Но сидела с каким-то тощим и длинноволосым хлипиком. Димас стоял на тропе между углублениями и на сам выступ не выходил.

– Зачем пугать-то? – громко произнесла Оксана.

– Тихо, – сказал шепотом Тощий, – а то лесники услышат. Иди к нам. А то тебя видно издалека на этом камне.

Димас спустился с тропы к выступу, помог спуститься и ей и уселся между ней и рыжей. Она думала, он обнимет её, как обнимал всю дорогу, а этот хлипик – с рыжей, но оказалось не так. Она сидела с одной стороны, хрупкий парнишка, которого ей представили как Жеку, – с другой от обнимающейся парочки. Ей становилось прохладнее с каждой минутой. Тогда она поняла, что так совсем замёрзнет. Парочка и Жека поменялись местами, и этот худой, неприятный тип попытался её обнять, со словами, что ей холодно, и он хочет ей помочь. Кто кому ещё помогать будет? Но она согласилась, он обнял её своими костлявыми холодными руками. Она оттолкнула его руки.

– Ты сам-то холодный, – произнесла она, поражаясь, с какой злостью это прозвучало. – Мне нужно отойти, сейчас приду.

Но возвращаться она не собиралась. Она поднялась на тропинку, Аня её даже не заметила, и пошла сначала медленно, а потом побежала прочь от этого места, бежать с горы было легко. Сколько она бежала, Оксана не знала, но пары по физкультуре не прошли зря. Она очень быстро спустилась к ручью, но идти в лагерь не собиралась, слёзы просто душили её, на берегу ручья лежал большой камень, она забралась на него и дала волю слезам. Зачем её сюда затащили? Зачем так над ней смеяться? Она точно могла сказать, что вряд ли сможет общаться с этой дурой Аней дальше, лишь бы выбраться из этой секты скинхедов. Слёзы высохли, она решила притвориться, что она такая же, что ей всё нравится, главное – выбраться отсюда. Она осмотрелась, не следит ли кто из этих маньяков за ней. Никто не следил. Зато она заметила огонёк в траве, ей стало интересно и она пошла посмотреть, что там такое. Оксана вышла на небольшую полянку и обнаружила, что та вся усеяна огоньками. «Светлячки!» – радостно вскрикнула она про себя и напрочь забыла обо всём остальном. Разве может что-то волновать, когда такая красота вокруг?

Она пошла по поляне, увлекаемая куда-то светлячками, «вот Аня будет завидовать, когда я расскажу ей это, она-то, наверное, никогда не видела светлячков». Оксана и сама их видела впервые, и от этого их очарование росло с каждым шагом. Постепенно поляна сменилась лесом и пошла в гору, и неожиданно светлячки закончились, и Оксана уткнулась в папоротники. А в папоротниках что-то мерцало намного ярче светлячков, ей стало жутко, она захотела повернуть назад, но любопытство оказалось сильнее. Она медленно пошла к большому желто-красному светлячку, стараясь идти так, чтобы большие листья не заслоняли его, она боялась, что

если упустит его из виду, то упустит совсем. Он уже был близко, это был какой-то предмет из золота с большим красным светящимся камнем в центре.

«Ничего себе, как мне повезло», – подумала она. – «Прямо сказка какая-то». Она протянула руку к амулету, и он дернулся в сторону. «Что за черт», – выругалась она про себя и снова потянулась к светящемуся объекту. А он снова отпрыгнул от неё. «Да что такое, может это чья-то шутка? Тогда она несмешная», – думала она.

– Эй, кто там прикалывается? Покажитесь, – позвала она в темноту. Но темнота предпочла промолчать.

– Да что ж такое, – вслух подумала она. – Ну, пошутили и хватит, зачем так-то издеваться?

Она обошла светящийся предмет по кругу, осмотрела всё вокруг, но не нашла никого и ничего.

«Ладно», – думала она. – «Я поймаю эту хрень. Или она приведёт меня к тем, кто дёргает за верёвочку, и я выцарапаю им глаза».

И она вновь потянулась к амулету – он прыгнул от неё, она сделала шаг и снова протянула руку, чтоб схватить его, но он оказался быстрее. Она повторила попытку ещё несколько раз, но так и не поймала его, разозлилась, решила во что бы то ни стало его достать и прыгнула на него. Но он снова успел отскочить в сторону. Тогда Оксана прыгнулась и побежала за ним следом. И чем быстрее и изобретательнее она старалась его поймать, тем быстрее и изобретательнее он от неё ускользал. И делал это отнюдь не по прямой, а в разных направлениях, но это она неожиданно поняла только в тот момент, когда в очередном прыжке настигла добычу. Оксана схватила украшение крепко обеими руками, его свет проступал между пальцами, просвечивал её тонкую кожу. Она ждала, что оно будет вырываться, но оно лежало в руках неподвижно. Ей было жарко и одновременно с этим очень спокойно. Она чувствовала смертельную усталость. Шевелиться не было сил, да и лежала она на чем-то тёплом, приятном, сверху её, как одеялом, тоже что-то укрывало. Так она и уснула.

Так крепко и сладко она никогда прежде не спала. И, похоже, уже не будет.

Её спустили к берегу, поставили на ноги в густую зелёную траву. Ноги не хотели её держать, и она непременно упала бы, но упасть ей не дали. В итоге она, связанная, стояла на коленях.

– О, боги, – произнёс Старший советник, – взгляните на эту колдунью, преступившую волю вашу и покусившуюся на порядок, созданный вами.

Он ходил кругами, то в одну сторону, то в другую, и читал длинную молитву.

– Сегодня именем вашим и устами наместника вашего мы предадим её воде, дабы была очищена от силы тёмной и принята в царствие подземное, как и положено всякому духу нечистому.

В это время на вершину холма из-за деревьев выехал всадник. Он остановился в тени деревьев. Редкие лучи, пробивавшиеся сквозь листву, играли бликами на его до блеска начищенной кольчуге и шлеме. Обеими руками держа поводья, он смотрел прямо на Оксану, но разглядеть его лица она не могла. Слишком далеко он был и слишком яркие блики играли на его шлеме. Но она знала – это он.

Она не слушала, что там вокруг неё болтает советник. Она была удивлена своим мыслям: после того как царевич отправил её на смерть, ей впору было сыпать проклятиями, но проклятий не было, было только тепло в груди. Тепло и воспоминания...

Из огня да в омут

Она всё время ощущала холод, холод, с которым не могла расстаться. Она часто выходила на солнце, чтобы погреться в его лучах, иногда этот холод отступал, давая ей отдых и умиротворение. Холод исходил от золотого медальона на её шее. Казалось бы, что может быть проще – сними его и не мучайся. Но вместе с медальоном уходило ощущение жизни, жизнь как будто теряла краски, хотелось просто лечь и умереть. Не могла Оксана позволить себе этого. Наверное, всё дело в воспитании, которое она получила от родителей, лица которых сегодня не могла вспомнить. Но с детства ей говорили: «Не сдавайся! Учись! Работай! Только сильного ждёт успех». А лечь и умереть это слабость, она не понимала тех, кто говорил, что на самоубийство требуются силы. Так говорили люди, которые никогда бы не совершили подобное, потому что знали, что такое ответственность перед собой и другими. Отказаться от ответственности бывает сложнее, чем от жизни.

Ответственность. Она чувствовала, что в ней нуждаются, что только она способна помочь тем несчастным, которые вокруг неё собрались. Ей казалось, что она чувствует их боль, и эта боль обжигает её холодом через амулет.

И ей, возможно, было бы намного легче и приятнее в этот вечер, но её обнимали холодные руки.

Она стояла на холме к западу от её дома и смотрела на закат, на поля и редкие деревья. Поля простирались до горизонта по невысоким холмам. Это был самый высокий холм в известной ей округе. С его вершины отлично виднелись деревья, что росли в логах, у ручьев и реки. Также с холма прекрасно обозревалось поле, возделываемое её подопечными, и крыша её дома.

Также с холма она наблюдала лагерь из десятка шатров, что стояли на поле, до возделывания которого у неё пока не дошли руки. «Дармоеды», – отчего-то всплыло в голове слово, которым она никогда не пользовалась, и не пользовался никто из тех, кого она знала. Холодные же руки принадлежали главному дармоеду.

– Ты только представь, – говорил он ей с притворной нежностью слова, которые ей давно набили оскомину, она слушала их в разных вариациях уже много раз, – ты можешь жить в прекрасных хоромах с коврами из шкур дивных тварей, и десятки слуг будут ухаживать за твоей красотой. Оставь эту лачугу и будь моей королевой.

Солнце опустилось за горизонт, оставив кроваво-красную полосу, вся зелень полей стала синей, и цветы, что виднелись в зелёной траве, спрятались в синеву. Оксана так и стояла, смотря в горизонт. «Что предпримет это чудовище, когда больше не сможет ждать?» – думала она. – «И чего хочет на самом деле?»

Если ответ на первый вопрос ей был очевиден, и она не понимала лишь, что до сих пор его останавливало, то ответа на второй найти не могла. Конечно, она могла сказать, что ему нужен её медальон, на который он смотрел жадным взглядом. Но тогда что мешало ему расправиться с ней ещё в первый день? Найти себе женщину на ночь такой, как он, наверно, всегда сможет. А в то, что он просто своеобразен и просто влюбился в неё, она поверить не могла: судя по всему, такое чувство, как любовь, не входило в его добродетели.

Оксана перевела разговор.

– Помнишь, я рассказывала об обычаях моей страны? – говорила она.

– Конечно, я помню все, что ты говорила мне, я ловлю каждое слово, лишь бы исполнить твои желания, – продолжал он говорить с притворной интонацией ей на ухо.

– Тогда где кино, – возмущённо спросила она, поворачиваясь к нему лицом, – что ты обещал мне достать?

Его тонкие губы стали ещё тоньше и омерзительнее, в глазах вспыхнули злые магические огоньки. И в следующее мгновение он расплылся в широкой улыбке, оскалив удивительно белые зубы. Огонёк в глазах погас, но улыбаться они не начали.

– О, прекрасная, – сладко-сладко заговорил он, – когда просила ты подумать, я уезжал. И много времени общался я с заморскими послами и мудрецами. О том, что такое Кино, не знает никто в целом свете. И мне пришлось посетить мёртвые земли и спросить там, у вечных хранителей, что имеется в виду. И нам было открыто великое знание, и скоро все, что требуется для этого ритуала, прибудет сюда.

Ей стало ещё прохладнее. Её начала бить дрожь, которую она и скрыть-то не смогла. Он отстранился от неё и расстегнул большой кожаный плащ, висевший на его плечах.

– В силу некоторых своих особенностей я не могу согреть тебя своим теплом, – с вкрадчивой заботой прошептал он. – Но я могу отдать тебе часть одежды, что ношу сам.

Он не спрашивал, просто накинул плащ на неё. Одевание оказалось тёплым, но оно не могло остановить её дрожь. «Что-то совсем не так», – тревожно думала она. – «Неужели он и впрямь нашел, как сделать кино в этом отсталом мире? Или придумал что-то другое? Но что?» Ей не нравился ни один вариант, и она под предлогом, что её всё равно знобит, пошла вниз, к дому. Ей хотелось быстрее избавиться от этого уroda.

Он больше не обнимал её, он шел впереди по узкой тропе с вершины холма, иногда поворачивался и чему-то улыбался. Его руки обычно были такими холодными, что невольно думалось, что он замёрз, но, похоже, и без плаща он чувствовал себя также непринужденно, как и с ним. На удивление, плащ начал согревать не только её тело. Некое тепло подавляло её внутренний холод.

– Пойдём до моего лагеря, – сказал он, когда они спустились, и протянул ей руку. Брать в руку эти холодные, костлявые пальцы ей было неприятно, но какая-то сила подтолкнула её руку, она положила свою ладонь в его – и удивилась. Впервые за долгое время рука была теплой. Что-то громко брякнуло в сарае, который они проходили. Иногда неприятности случались с её подопечными, особой ловкостью почти никто из них не отличался.

– Зачем? – спросила она, глядя на него и уже проходя мимо крылечка своего дома.

– Я приготовил для тебя не один подарок, – сказал он.

– Да? – спросила она с непонятным чувством. Должно было быть недоверие, а получилось удивление. Она захотела остановиться. Она боялась его подарков, сильно хотелось убежать, спрятаться в своём доме, но вместо этого она просто стала медленнее идти. Тело повиновалось не ей.

– Конечно, моя будущая повелительница, – произнёс он. – Я не раз говорил тебе о том, что я повелеваю сильным государством на западе. И не могу остаться голословным, своей будущей супруге я просто обязан оказать подобающие почести.

– Будущей супруге? – с ещё большим удивлением спросила она. – Я ведь ни на что ещё не дала согласие.

– О, конечно, конечно, – быстро произнёс он, – но это вопрос времени, и я уверен в том, что ты примешь моё предложение, а оказать достойную тебе честь я обязан вне зависимости от того, что ты скажешь. Это вопрос самоуважения, ведь я не могу предлагать своё царство абы кому, а раз предлагаю, значит нужно проявить подобающую учтивость, – говорил он, и с каждым словом ей становилось всё теплее. Они уже шли через его лагерь к большому шатру, который стали устанавливать после возвращения её гостя. – Конечно, на всё это тоже требовалось время, и требовало моего присутствия в моих землях. Меня там сильно ждут, но ничего важнее тебя в моей жизни просто нет.

За долгое время их общения она впервые обратила своё внимание на то, что хочет верить его словам. «Может, он говорит правду?» – звучали мысли в её голове. – «Пусть он противен со своими особенностями, но, может, действительно любит меня?».

Шатер, к которому он подвёл её, был огромен. В него бы поместился весь её дом и ещё место для пары сараев осталось.

– Этот шатёр я приказал возводить сразу как приехал, – хвастался ухажер. – Для кино нужен большой зал. В этом шатре будет всё, как и должно быть. А сегодня я хочу, чтобы ты отужинала со мной в этом шатре.

Она не ответила ничего, есть ей не хотелось. Отказаться она не могла, поэтому просто проследовала в шатёр.

Двое слуг откинули перед ней полог в две стороны, и она увидела за ним небольшой тамбур, в конце которого стояло ещё двое, они открыли следующий полог, когда она подошла к ним. В это время за принцем уже завязывали вход, она повернулась из любопытства, посмотреть, что происходит. Оказалось, что тамбур кончается только третьим пологом. Слуги, как на представлении по синхронному плаванию, делали всё быстро, аккуратно и одинаково.

За тамбуром она ожидала увидеть огромное помещение шатра, но оказалось в... вестибюле. На полу лежали толстые ковры. Трое слуг поклонились, когда они вошли. Они были в длинных черных кафтанах. Один из них предложил ей снять плащ, она согласилась. Он учтиво принял плащ с её плеч. Слуга был высок, широк, с суровым лицом. «Отличная морда, – думала она, – для головореза». Все воины и слуги отличались синюшной белизной. Ей всегда казалось, что они как-то недомогают. Но для больных они всегда были на удивление расторопны и точны.

– О, моя прекрасная, – говорил хозяин шатра, – я хотел бы, чтоб ты приняла в дар от меня несколько нарядов, принятых в моих землях.

– Нарядов? – неловко переспросила Оксана, у неё были кое-какие платья и юбки, но большинство из них было ей не по размеру, некоторые износились и вообще не соответствовали общению с принцами. Ещё за то время, что она обитала в этом мире, она собрала себе одно платье из шкур. Но этот наряд выглядел дико в сравнении с рубашками и кафтанами воинов и слуг её ухажера. Он, впрочем, похоже, не любил блистать и потому одевался не намного изысканнее своих подчинённых.

– Да, нарядов, – подтвердил он. – Я наблюдал за тобой и мне показалось, что тебе подходит иной наряд. Не хочу сказать, что твой наряд плох. Нет. Но ты держись по-иному, и кажется, что это платье тебе приносит некоторое неудобство.

Она промолчала.

– Оренча, – громко и четко произнёс он. Один из пологов открылся, и в комнату вошла низенькая женщина. Оксана сначала подумала, что перед ней девочка, причем весьма маленькая, но приглядевшись, поняла, что служанка намного старше её.

– Чего изволите, повелитель? – произнесла она, присаживаясь в глубоком реверансе.

Он проигнорировал её обращение и обратился к Оксане.

– Это Оренча, она будет твоей служанкой, при ней есть ещё несколько девок, они помогут тебе с нарядами.

– А вы обращайтесь с ней так, будто она уже повелительница, – с металлом в голосе обратился он к служанке.

– Ваша воля, повелитель, – присела она в реверансе перед ним, потом повернулась к ней.

– Простите, что обращаюсь к вам, ваша милость, – произнесла с опаской, снова приседая в глубоком реверансе и остановившись в нижнем его положении. Было очевидно, что она чего-то ждёт. Чего? Оксана посмотрела на неё, на повелителя, на его слуг. На лицах слуг не выразилось ничего, а вот предводитель широко улыбался, он поймал её вопросительный взгляд, и она увидела, что он, продолжая улыбаться, беззвучно трясется от смеха. Он постоял ещё пару мгновений, потом, не прекращая бесшумно сотрясаться от смеха, указал на служанку. И она поняла, что надо что-то сказать. Но что? От замешательства Оксана совершенно забыла, с какими словами обратилась к ней служанка, и потому не знала, чего та хочет.

– Говори, – произнесла она несколько смущенно.

– Не изволите ли вы пройти со мной в банную и платяную комнаты? – спросила служанка, поднимаясь из реверанса.

Оксана поняла, что отвечать надо соответственно предложенному статусу.

– Веди, – коротко ответила она.

Женщина снова коротко присела и пошла к пологу, из которого только что появилась.

– Она полностью в твоём распоряжении, – сказал Оксане хозяин шатра. – Можешь её даже съесть, вряд ли она будет сопротивляться, – он улыбнулся, поймав её возмущенный взгляд. – А я подожду тебя в основном зале, – он отвернулся, перед ним слуги распахнули полог в противоположной стене, и вышел.

Оксана повернулась к Оренче. Та так и стояла, держа полог и ожидая, пока её госпожа соизволит пройти. Подобное прислуживание ей казалось чрезмерным. Она, конечно, видела что-то такое по телику, и по истории они проходили что-то подобное, но чтобы она сама попала в такие условия... Ей было дико. «Но ничего не поделаешь, если они тут мирятся с рабством, придётся и мне мириться», – думала она. – «Может, что-то интересное узнаю». Она не торопясь прошла в предложенное ей помещение.

В этом помещении, сидя на коленях вдоль стены, располагались девушки, на них не было одежды, они были худые и бледные. С другой стороны находился большой сундук и скамья. Девушки никак не отреагировали на её появление, продолжили молча сидеть. За спиной у неё Оренча запахнула и завязала полог.

– Что это за палата? – спросила Оксана.

– В данной палате повелительнице подобает раздеться, – ответила Оренча.

– А если мне не хочется раздеваться? – спросила Оксана и повернулась к служанке.

– Как будет угодно госпоже, – присела в реверансе служанка.

Оксана показала взглядом на сидящих девушек.

– Зачем они? – спросила с отвращением Оксана. – Для декорации?

Служанка присела в реверансе и произнесла:

– Простите мою необразованность, госпожа, – Оксана услышала смущение в её голосе, – но мне не знакомо слово, что вы молвили мне.

Оксана смутилась сама, она привыкла, что её гость не знает многих слов, которые были для неё обыденными, но принять, что этих слов не знают и все другие, ещё не успела.

– Декорация – это украшение, – произнесла она и услышала в своём голосе надменные нотки, – просто ответь мне, на вопрос: зачем они нужны?

– Благодарю вас, госпожа, – произнесла Оренча, вновь приседая. – Девки нужны, чтоб помочь вам снять платье, помочь совершить омовение и помочь с новыми нарядами.

Оксана смотрела на бледных и худых девушек, и ей казалось, что они сами нуждаются в помощи и уж ей-то точно не могут ни в чём помочь.

– В следующей палате ванна? – спросила Оксана.

– Да, госпожа, – услышала она в ответ.

«Да уж, в ванну одетой не ходят», – думала она. – «Нормальные люди, по крайней мере, точно не ходят». Чтобы раздеться, помощь ей не нужна, тем более этих несчастных. Она стала развязывать шнуровку.

– Простите, что обращаюсь к вам, госпожа, – произнесла Оренча, – но не угодно ли вам принять помощь от меня?

Оксана посмотрела на неё и кивнула, после чего пожалела об этом, но и сказать уже ничего не могла. Оренча трижды хлопнула в ладоши, и девушки, что сидели на коленях, обступили Оксану. Стали развязывать шнуровку на шкурах, две отошли к сундуку. И прежде чем она успела произнести хоть слово, уже стояла нагая на толстом тёплом ковре, а перед ней развязали полог, из-за которого в палату повалил густой пар.

Оксана смотрела на зеркало, как на чудо, так давно она не видела собственного отражения. Она боялась, что увидит нечто ужасное: синяки под глазами или морщинки, или какое-нибудь иное уродство – но ничего особенного не нашла. Перед ней стояла красивая девушка, длинные русые волосы обтекали её плечи, стройное тело обтягивал корсет с множеством кружев тонкой работы. Широкие бёдра были подчёркнуты и одновременно скрыты огромной юбкой, под которой было ещё две кружевных, придававших объем. Из трёх платьев она выбрала то, что с высоким воротом, охватывающим, как водолазка, шею. На груди платья был аккуратный вырез точно под медальон. Не больше, не меньше. Он висел чуть выше груди, и в этом платье оказался обрамлён черной бахромой, переплетенной с золотыми. Вышивка расходилась от амулета вверх по плечам и вниз по груди за спину. Потом возвращалась из-за спины на живот и внизу упиралась в изгиб юбки. Юбка же была вышита красными нитями, но столь тонко, что ничего подобного ранее она не видела.

Дома, где производство стоит намного дешевле, три таких платья стоили целое состояние. «Во сколько же обошлись эти платья этому Чудовищу?». Ей преподнесли диадему, сделанную так, будто она составляла комплект с её медальоном. Но она решила, что лучше будет с распущенными волосами и отказалась от дорогого подношения.

С каждым мгновением она всё больше убеждалась: чародей, так настойчиво вокруг нее ошиваясь, имеет на неё серьёзные планы. Ведь нельзя же столько вкладывать сил и средств в ничто. Единственное, что не давало ей покоя, так это – что же его привлекает именно в ней? Она не думала, что ему интересно просто провести с ней ночь. Хотя она сомневалась, что найдётся настолько больная, что захочет разделить с ним ложе по собственной воле, не из корысти. Она гнала от себя мысли, что рано или поздно ей придётся это сделать.

Она расчесала волосы, отказалась от предложенных ей помад, белил и капель. Когда-то она слышала, что раньше использовали яды, чтоб стать красивее, Она в последний раз оглядела себя в зеркало. Когда ещё выдастся такая минута. Потом обернулась к Оренче и произнесла:

– Где ждёт меня повелитель?

– В главной зале, – ответила та.

– Веди, – распорядилась Оксана. Надо же – распорядиться ей казалось естественным, так, как будто она всю жизнь только этим и занималась. Служанка повернулась к одной из безымянных девиц, та кивнула, и две другие развязали передней полог и открыли его, так что сами были не видны из залы.

Оксана услышала в зале своё имя в обрамлении каких-то титулов и пошла в открытый полог. Играли скрипки и барабаны. За пологом её ждали ступеньки, она поднялась по ним и вышла на деревянную площадку. На площадке были установлены два кресла и стол, за одним из кресел сидел её ухажер, который отчего-то не потрудился встать, но жестом пригласил её к столу. Она подошла к столу и опустилась в кресло.

В зале, кроме той площадки, на которой располагался стол, была другая – больше – и на ней лежали разные предметы. Повелитель дважды хлопнул в ладони, и зажглась свеча, стоящая посреди стола. Тут же на большой постамент стали выбегать и спускаться на верёвках из-под купола люди. Некоторые на ходу играли музыку, некоторые жонглировали – и все в одном ритме, очень слаженно и все вживую. Оксана смотрела на них с открытым ртом, и больше всего её удивляло, где разместились все эти люди и когда они прибыли. Она смотрела за представлением, а слуги длинной вереницей накрыли стол.

– Нравится? – самодовольно спросил организатор праздника, она попыталась вспомнить, как его зовут и не смогла.

– Не то слово, – произнесла она. Такое представление ради неё! Она не хотела поворачивать голову в его сторону, она знала, что увидит, и видеть этого ей не хотелось. Опять над ней посмеялась жизнь, вот он, похоже, и впрямь её любит, надо же – столько усилий и всё для неё. Её амулет наверняка не стоит того, что он уже затратил на неё, и это, судя по всему,

начало, а ей просто противно смотреть на него. Она сделала над собой усилие и улыбнулась, повернувшись в его сторону.

– Я в шоке, – произнесла она.

Он вопросительно поднял одну бровь. Она улыбнулась, но решила не переводить и вообще говорить, так как ей удобно.

– Откуда и как? – спросила она.

– Из моего царства, – произнёс он легко, да ещё пожал плечами так, словно это мелочи. И что-то изменилось в его внешности, что-то вообще поменялось. «Тот ли это человек, что стоял со мной на холме и смотрел на закат? И чьей пленницей я, по сути, являюсь?» – на второй вопрос она ещё могла ответить, но вот на первый – отчего-то нет.

Она протянула руку к кубку, который принесли ей, и попробовала... это было самое отвратительное пойло из всего, что она пила когда-либо. Похоже, что это было вино, но какое-то невнятное и кислое.

– Это что? – спросила она, не скрывая отвращения.

Хозяин вечеринки поднял свой кубок и отпил из него. Потом поджал губы и после засмеялся.

– Да что смешного? – возмущенно спросила она.

– Ты бы видела своё лицо! Я впервые вижу человека, который, попробовав лучшего вина Рениста, так бы скривился и возмутился. Многие бы правители сочли бы сказанное тобой личным оскорблением.

– Это-то лучшее вино? – это был отличный повод для возмущений, и она решила хоть так выпустить накопившееся напряжение. – Да уж лучше пить спирт, чем это.

– Спирт? – спросил он.

– Да. Спирт, спиртягу, самогон, боярышник, – перечисляла она, – всяко лучше, чем это. – Ничего из перечисленного она сама не пила, но думала, что всё это гораздо вкуснее вина, предложенного им.

– Ты, похоже, разбираешься в напитках, – произнёс он, – раз столько простонародных напитков перечислила. И при этом не известных мне.

Он повернулся к слуге, стоящему рядом:

– Приведи мне вон того жонглера, – и указал на здорового мужика, крутившего три огромных молота так, словно те ничего не весили.

– Зачем? – спросила Оксана.

– А мы сейчас у него спросим, знает ли тот, что такое спиртяга, – улыбаясь, произнёс он.

Слуга передал распоряжение и стал ждать дальнейших приказаний хозяина. К жонглеру направился посыльный и, судя по всему, изрядно удивил силача. Ибо тот, поймав все молоты, выронил их так, словно враз забыл об их существовании. И пошел к их площадке. Пред подъемом к ним он опустился на колени и опустил голову. Слуга, что сопровождал его, испросил разрешения силачу подняться.

– Разрешаю тебе подняться и принять место у наших ног, – произнёс повелитель. – Я своим великодушием позволяю тебе говорить, когда к тебе обратятся. И говорить всё начистоту по заданным тебе вопросам.

Силач встал с колен, потом поднялся на их подиум и опустился на колени рядом со столом.

– Скажи мне, – обратился к нему повелитель, – ты знаешь, что такое спиртяга?

– Нет, мой повелитель, – коротко ответил он.

– И всё? – разочарованно спросил хозяин шатра. – А во многих ли странах ты побывал?

– Я побывал во всех странах от Загорья до Великого Моря, и даже на некоторых островах, один раз ходил за Чёрную пустыню, – произнёс он дрожащим голосом.

Похоже, её пленитель был доволен ответом.

Он повернулся к слуге, который стоял рядом со столом, и обратился к нему:

– Ты бывал хоть в половине из указанных мест?

– Я не бывал и в половине от половины, – кланяясь, ответил слуга.

Хозяин шатра кивнул и снова обратился к жонглёру:

– И ты нигде никогда не слышал о спиртяге?

– Простите меня, мой повелитель, – на удивление дрожащим голосом произнёс огромный силач, – но я никогда не слышал этого слова.

– Вот и я не слышал, – довольно произнёс чародей и протянул её кубок жонглёру.

– Испей у моего стола и ступай, – распорядился он.

Жонглёр принял кубок, испил и уставился на повелителя, потом допил содержимое залпом. Потом поставил кубок на пол, пробормотал хвалебные слова и, кланяясь, не вставая с колен, попятился к ступеням.

– Заметь, – обратился повелитель к ней, – он понял, какую честь ему оказали этим напитком. Значит, знаком и с достойными напитками.

– Воды госпоже, – распорядился он.

Слуги поменяли кубок и налили ей простой воды.

Она ожидала продолжения разговора, но отчего-то хозяин ужина предпочел молча есть блюда, которые ему приносили. И это молчание угнетало её чуть ли не больше, чем его допрос. Когда блюда поменяли три раза, в залу вошел солдат в доспехах. Он наклонился к чародею и прошептал что-то ему на ухо. Чародей посмотрел на неё и враз изменившимся голосом вкрадчиво произнёс:

– Что-то не так, моя госпожа? Я чем-то не угодил вам?

– Да нет, почти всё было прекрасно, – ответила она, поразившись перемене, произошедшей в нём.

– Быть может, после всего, что я делаю, вы всё ещё не доверяете мне? – спросил он, глядя на неё жестким и холодным взглядом.

– Я не понимаю, – произнесла она. И она действительно не понимала, почему он так переменялся после сообщения этого солдата.

Он заулыбался какой-то очень жестокой улыбкой.

– Значит, не понимаешь, – он встал, ему принесли меч в ножнах и пристегнули к поясу.

– Ну, пойдем, посмотрим на твоё непонимание, – приказал он.

«Да что происходит?» – мысли её метались, и ей крайне не нравилось происходящее. И, конечно, ей было страшно, она прочитала в глазах чародея, что он готов порубить её на кусочки в любой подходящий момент. Она встала и пошла за ним к выходу, с обеих сторон от неё встали солдаты, ещё двое пошли сзади. «Конвой, – подумала она. – Как будто я им чем-то угрожаю».

Молча проследовав в гардероб и через коридор, по которому она заходила в шатёр, они вышли в ночь.

И стали лицом к её подопечным. Они стояли плотным кольцом в два ряда, полностью окружив шатёр. Судя по их дыханию, они были чем-то недовольны, если подобное слово можно было к ним применить.

А вот кто точно был недоволен происходящим, так это хозяин лагеря.

– Ну, и как ты объяснишь это? – в его голосе она слышала негодование.

Она посмотрела на стоящую вокруг толпу. У многих в руках были дубины, камни, у некоторых вилы и мотыги, которые те приволокли к ней, когда она начала с ними заниматься земледелием. Но этого было мало против хорошо защищенных и вооруженных солдат чародея. Да и воинами её подопечных никак нельзя было назвать, скорее инвалидами. Но эти инвалиды тревожили её пленителей. И надо было что-то делать, чтобы предотвратить бойню.

– Я честно не знаю, почему они так поступили, – заговорила она, – всё это они делают без моего ведома, сами по себе.

Он пронзительно посмотрел на неё. Смотрел некоторое время, потом произнёс:

– Иди домой и забери всё это отродье, – в его голосе слышалась ненависть и злость, и ей казалось, что он прямо сейчас её изрубит, но он просто смотрел на неё, в его глазах плясали синие огоньки.

Она сделала шаг и поняла, что она и сама не знает, чего ждать от этой толпы вокруг шатра. Но и выбора не было. Она могла надеяться на то, что её не тронут её инвалиды, и была уверена, что если не пойдёт, то головорезы за спиной точно не пощадят. Она сделала еще один шаг, и толпа перед ней отшагнула назад. Затем ещё один – толпа продолжила своё движение назад. Дальше Оксана шла уже без опаски. Долго отступать строем они были не в состоянии и очень быстро сбились в кучу перед ней, по бокам, они в два ручья обходили шатер и следовали за ней.

Она шла через лагерь среди настороженных, одетых в чёрное головорезов. И чувствовала, что ей с каждым шагом становится легче, она шла всё быстрее и быстрее и готова была побежать.

Но были у неё и другие мысли: она вспомнила тёплую ванну, зеркало... Ей было печально, что всё так сложилось. «Он ненавидит тебя», – думала она, – В её голову не укладывалась логика его поступков. Почему она чувствует, что он убить её готов? Но при этом он делает ей подарки и отпускает, когда она в его руках.

У неё заболела голова.

Надо было дойти до дома и лечь спать.

Дома её ждала тишина и прохлада, сегодня она не топила печь, хорошо хоть шкур у неё хватало. Платье, которое на ней было надето, не подходило для сна. Она попыталась его снять, но после непродолжительных попыток сделать это самостоятельно поняла, что не может. Получилось разве что расстегнуть часть ворота. «Да, теперь понятно, почему королям помогали одеваться и раздеваться слуги», – подумала Оксана. – «А как мне быть? Не обращаться же к моим убогим».

Она выглянула в окно и увидела, как они ходят вокруг дома, не собираясь расходиться. Она решила позвать кого-нибудь, может, хоть как-то помогут.

– Эй, иди сюда! – крикнула она одному из шатавшихся у двери и поманила рукой, он перестал шататься и вопросительно, ну, или ей так показалось, уставился на неё. – Да, ты, – повторила она жест, – иди ко мне.

Он пошел к ней, а за ним увязалось еще трое – такая стадность для них была нормальной. Она всех трёх позвала в дом. В него они входили с опаской, их пугал запах дыма, но ей, похоже, отказать не могли. Войдя в дом, Оксана остановилась напротив одного из них, показала шнурок, за который надо было потянуть, и как это сделать. Подала ему в руки, он несильно стал дёргать за верёвочку. Тогда она нащупала пару завязок и показала их другим подопечным. Они ухватились за них, и не успела она ничего сделать, как начали резко дергать поданную им шнуровку, а потом стали хватать за детали платья и тянуть в разные стороны.

– Стойте! – она пыталась отпихнуть их. Неуправляемые подопечные дергали платье, пытаясь его разорвать. Их становилось все больше, теперь они не боялись зайти в дом. Оксана чувствовала, как её мотают из стороны в сторону, ей стало страшно, что ее разорвут вместе с платьем. Остервенело дергая платье на беспомощной девушке, подопечные тащили её из дома. Наконец платье поддалось, и Оксана сумела выбраться из него.

Она лежала, тяжело дыша, поверх шкур, невероятно усталая. У нее саднило горло. Да ещё навалился холод, о котором она успела забыть, да так, что она дрожала всем телом. Но содрогалась она не только от холода, но и от слёз. Кое-как подтянув к себе шкуру, укрылась, но это не спасло от холода. А за окном было слышно, как её подопечные продолжали, рыча,

драться за право рвать платье. Ей казалось, что она ещё долго рыдала под звуки борьбы, прежде чем уснуть. Теплее так и не стало.

Когда она проснулась, было уже светло. Шевелиться не хотелось, свербело надсаженное горло. Болело тело, ей казалось, что на ней нет ни единого живого места, наверное, она сейчас вся жёлто-синяя. Однако не потянуться после сна она не могла – было больно, но и приятно. Она посмотрела на руки, синяков на них не было, похоже, мышцы болели от перенапряжения. Оглядела дом – он был неизменным уже пару месяцев. Этим утром ей было не так прохладно, как раньше, и тем более не так холодно, как вчера.

Превозмогая ноющую боль в теле, выбралась из шкур, осмотрела себя. Внешне всё было в порядке, значит, просто перенапряглась.

Она оглядела избушку, в которой жила, на предмет погрома. Погрома не наблюдалось. Судя по пению птиц и стрекоту, за окном тоже всё было в порядке. На всякий случай она решила выглянуть за занавеску из шкур, которая служила ей дверью. На пороге её ждали два деревянных ведра воды и корзинка, сплетённая из веточек, наполненная яйцами. Треть яиц были небрежно смяты. «Значит, всё хорошо», – с облегчением подумала она. По полю ходили подопечные, ели личинок разных жучков, которые могли бы повредить посевам. Иногда ели их вместе с посевами, но тут уж ничего поделаться было нельзя.

Она подумала, что неплохо бы помыться, и решила дотянуться до одного из вёдер, не показываясь из-за занавески. «Мало ли кто смотрит», – покосилась она в сторону разбитого по соседству лагеря. Но до воды так и не дотянулась. «Придётся в сорочке», – решила Оксана и вернулась в дом. Над глиняной печью весела грубо тканая сорочка, которую она использовала как ночную. Это был её первый местный наряд, в нем она чувствовала себя спокойно и уверенно. Пусть и срамно, по меркам местного населения. В сорочке она могла спокойно выйти из дома. В принципе, она вообще могла бы ходить в ней или в одном из шерстяных или льняных платьев, что лежали у неё в сундуке, но в них ей было прохладно, и потому она постоянно ходила в шкурах. Но сегодня она решила во что бы то ни стало надеть платье из тонкой шерсти. А перед этим надо обязательно помыться. И поскольку идти на реку не хотелось, она внесла вёдра в дом и стала разводить огонь.

За всё то время, что она жила в этом доме, Оксана так и не смогла приноровиться быстро разводить огонь: то она не успевала вовремя подуть на занявшуюся солому, то тёрла огниво недостаточно быстро или сильно. Обычно она старалась поддерживать угольки, закапывая их в золу, потом раздувала их, но в последние дни совсем не разводила огонь.

Она уже собиралась бросить это занятие и просто обтереться холодной водой, но солома всё-таки соизволила заняться и загореться. Вслед за соломой она бросила пучок хвороста, а потом небольшие полешки. Оксана нашла котел, налила в него воды и поставила в углубление на вершине печи. В крыше над печью было сделано отверстие, которое приходилось открывать каждый раз, как разводился огонь, это делалось изнутри длинной жердью. А вот чтобы закрыть его, требовалось залазить на крышу. И как сделать иначе, она не могла даже представить, потому почти привыкла к подобным неудобствам. Вот если загнать на крышу одного из инвалидов, то он, скорее, провалится вместе с крышей, чем поставит колпак на место.

Пока она возилась с огнём, на пороге появились две корзины с ягодами из леса и яблоками. Она оставила корзину с ягодами на пороге, ей было не до нее, но поесть требовалось. Съела пару яблок, в воде, которую поставила на огонь, сварила яйца. Заварила в этой же воде душистые травы и поставила остывать.

В доме было жарко, сорочка давно прилипла к телу, и она решила её снять. «Надо же, стала пещерным жителем: и дом, и баня в одном помещении», – подумала она, не зная, то ли улыбнуться, то ли скривиться от отвращения. Дыра в крыше отлично спасала от дыма и пара, но жар, исходящий от печи, всё равно прогревал стены и потолок, создавая ощущение сауны.

Остатки горячей воды вылила в ведро и разбавила холодной, обтёрлась, потом надела сорочку и побежала на реку купаться.

И только после того как вышла из прекрасной прохладной воды на реке, она поняла, что теперь отмылась от всего, что ей вчера пришлось пережить. Ей стало намного приятнее. Она бы пошла не через бор, а через поле, но боялась наступить босой ногой на колючки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.